

Александр Андрюхин

ДЕЖАВЮ НА КРОВИ

Александр Андрюхин

**Дежавю на крови. История о
том, что получает мужчина,
готовый на все ради любви**

«Издательские решения»

Андрюхин А.

Дежавю на крови. История о том, что получает мужчина, готовый на все ради любви / А. Андрюхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960106-3

Они были друзья с детства, но в классе появилась новенькая по имени Марго. Дима влюбился в нее с первого взгляда. Когда потом Марго собралась замуж, Дима едва не покончил с собой. Спустя 15 лет, одноклассница сама разыскала Диму и сказала, что согласна выйти за него, но при условии, что он убьет ее мужа. Дмитрий выполнил волю возлюбленной, но через месяц убитый муж явился к убийце и потребовал жену обратно. С того света Диму вытащил бывший одноклассник, который и распутал эту мистическую историю.

ISBN 978-5-44-960106-3

© Андрюхин А.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
1	8
2	11
3	13
4	15
5	17
6	20
7	22
8	25
9	28
10	30
11	33
12	36
13	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дежавю на крови
История о том, что получает
мужчина, готовый на все ради любви

Александр Андрюхин

Дизайнер обложки Надежда Гордеева

© Александр Андрюхин, 2018

© Надежда Гордеева, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4496-0106-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Эта женщина вымотала всю душу. Она и сейчас продолжала мотать ее, брызгая своими синими глазами. Синие глаза – это бешено красиво, но это и первый признак бешенства. Все синеглазые – жуткие эгоисты, но особенно те, у кого глаза темно-синего оттенка. Таких вообще следует обходить стороной. Чем темнее омут, тем больше в нем чертей. Дмитрий всю жизнь об этом помнил, но ничего не мог с собой поделать.

– Ты что, боишься? – усмехнулась она, и ее глаза презрительно помутились.

– Я ничего не боюсь, – нахмурился Дмитрий, отметив, что для него самое страшное – снискать презрение этой женщины. – Я не врубаюсь в смысл. Объясни, зачем? Зачем убивать? Неужели нельзя просто уйти?

Она хитро прищурилась и потянулась к сигарете.

– Я не могу просто уйти от него. Быть в объятиях чужого мужчины и знать, что где-то поблизости муж – извини, это выше моих сил. Мне всегда будет казаться, что он за мной подглядывает в замочную скважину.

– Что за ерунда? Ты же уходила от первого мужа.

– Это был не муж? Это было недоразумение, – раздраженно отмахнулась она. – И второе: я не хочу, чтобы мой нынешний избранник носил на себе плевки моих прежних сожителей. Прости, Диман, но прежде, чем претендовать на меня, ты должен рассчитаться за все унижения, которые нанес тебе Олег.

Марго элегантно щелкнула зажигалкой и поднесла ее к сигарете. Выпустив дым, она вопросительно сверкнула глазами и с насмешливым лукавством произнесла:

– Ну, так как? Ты хочешь получить мое тело?

Дмитрий сразу рванулся к ней, но она остановила его одним движением руки.

– Терпение, мой друг. Так хочешь или нет?

Еще бы не хотеть. Дмитрий о ее теле мечтал с шестого класса, с той самой минуты, когда на уроке географии в класс ввели новенькую. Все повернули головы на вошедшую девочку, и Дима сразу увидел в ней ту самую гордую прелесть осанки, которая бывает у испанок. Таких в школе еще не было.

– Представься, – сказала учительница.

– Марина Маргулина. Можете звать меня просто Марго. Мой род исходит от французской королевы Маргариты де Валуа.

Все громко рассмеялись, а географичка снисходительно улыбнулась:

– Садись, Королева Марго, на свободное место. А мы продолжим урок...

Девочка гордо проследовала на указанную парту, и Дима сразу отметил и ее грациозную походку, и тонкий стан, и озорно вздернутую попку, и уже довольно приличную для ее возраста грудь. Когда она села за стол, то неожиданно повернула голову и встретилась глазами с Димой. В тот миг она и пронзила его сердце своим колдовским взглядом и, как потом оказалось, на всю жизнь. Но самым прискорбным было то, что не один Колесников заметил молодые прелести этой феи. На перемене к нему подошел его дружище Женя Трубников и, подмигнув, хихикнул:

– А крутая у новенькой попка! Скажи?

Тогда Колесников не поддержал шаловливого тона друга, потому что ему было не до шуток. И вот теперь, семнадцать лет спустя, она сидела в кресле под фиолетовым торшером в его холостяцкой квартире и предлагала собственное тело за убийство мужа. Именно тело, а не себя саму. «Как она точно выражается», – удивился про себя Дмитрий, понимая, что ее саму не заполучить никогда. Но быть рядом с ее телом, а тем более обладать им, было вершиной его идиотских мечтаний.

– Хорошо. После того, как я его убью, ты выйдешь за меня замуж?

Она смерила его насмешливым взглядом и произнесла:

– Ты всегда так торгуешься? Честно говоря, я не люблю мужчин, которые торгуются. Еще я не люблю мужчин, которые слишком много задают вопросов. Торговаться и пустословить – привилегия слабого пола, но никак не сильного. Мужчина для меня тот, кто делает, не задавая лишних вопросов.

Она вдавила сигарету в пепельницу с твердым намерением встать и уйти. Дмитрий почувствовал это и изменился в лице.

– Нет-нет! Ты меня не так поняла. Я исполню, как ты скажешь. Но только один вопрос: чего он сделал? За что ты его хочешь отправить на тот свет?

Она пронзила его таким взглядом, что Дмитрий попятился.

– Хорошо. Не хочешь, не говори. Тогда объясни, где, когда и чем я должен убить твоего Олега?

– Вот это уже мужской разговор, – произнесла деловито гостя и закинула ногу на ногу. – Завтра он пойдет на скачки...

– Твой муж ходит на скачки?

– Мой муж не ходит на скачки. Но завтра мы с ним вместе отправимся на ипподром, который находится на Соколе. Ты должен припарковаться рядом с нашей машиной. После скачек мы поедем за город в ярославском направлении на турбазу «Старая мельница». Ты следуешь за нами. Недалеко от турбазы, на повороте, где кончается асфальт и начинается грунтовая дорога, мы остановимся. Я уйду, а муж останется копаться в моторе. В этом месте нет ни единой души. Можешь, не опасаться. Ты должен подъехать и, не привлекая внимания, встать метрах в десяти от нашей машины. После чего незаметно подойдешь со спины и выстрелишь ему в висок, но так, чтобы ни одна капля крови не упала на мотор. Потом его труп ты быстро втащишь в свою машину и увезешь.

– Куда?

– Куда хочешь. Но чтобы его больше не нашли?

– Но где я возьму пистолет?

– Там, где берут все: купишь на черном рынке! Тебе денег дать?

Дмитрий отрицательно покачал головой, а женщина поднялась с кресла и направилась к выходу. У двери хозяин страстно схватил ее за руку и потянул к себе. Она взглянула в глаза и улыбнулась.

– Все будет. Но сначала дело...

1

По соннику царя Соломона, если бьешь во сне жену, значит она изменяет. Трубников бил свою жену каждую ночь. Он хлестал ее по щекам, по губам, по глазам; бил кулаком по носу и в подбородок, иногда пинал ногами в живот, и ничего с ней не случалось. После этой процедуры на ее белом теле не оставалось ни единого синяка. Жена нисколько не обижалась и переносила побои с какой-то покорной насмешкой, а Трубникову каждый раз после этого становилось плохо. Поводом для расправы было то, что она приходила домой далеко за полночь. Теоретически в этом не было криминала, но когда муж интересовался, где до такого часа прохлаждалась его единственная и неповторимая, она вместо ответа лукаво улыбалась и жеманно отводила глаза.

Каждое утро Трубников просыпался в дурном настроении и с надерганными нервами. «Ну, заклинило! Больше нечего показать? Придумали бы что-нибудь пооригинальнее! Скоты!»

К кому относилась последняя филиппика, бедняга сам не понимал. Возможно, она было лишено смысла. Ведь Трубников знал, что сны это далеко не кинематограф. Он хорошо помнил Лермонтовскую строчку: «Летают сны-мучители над грешными людьми...», а значит, догадывался, что сны не могут быть одушевленными и даже не могут быть чьим-то произволом. «Скорее всего, они действительно связаны с грехами», – вздыхал про себя Трубников. А ведь он грешен. Этого не отнимешь. Вот почему они мучители.

Еще Трубников помнил из Лермонтова, что полнее реальность там, где больше человек страдает. Во сне он страдал больше, чем наяву. Точнее сказать, наяву вообще не страдал.

Трубников всматривался в родные черты своей спящей второй половины, в ее целомудренный румянец на щеках, в пухлые губы, в расплесканные по подушке волосы и думал, что она вообще не способна изменять. Если когда-нибудь Трубников убедится в обратном, то это будет не так мучительно, как во сне.

Из-за этих снов бедняга уже который год не мог выйти из сонного состояния. Он засыпал везде, где только голова находила точку опоры: в пробках, на работе, в театре, дома перед телевизором. Ну, перед телевизором еще, куда не шло, а когда он засыпал в театре, то это очень нервировала Настю. Первое действие она еще пыталась пробудить у мужа интерес к новоиспеченной пьесе при помощи локтя и щипков за ляжки, но все остальные – супруга делала вид, что этот клюющий носом мужчина не имеет к ней никакого отношения.

А возможно эта сонливость была не из-за снов, а из-за спокойной пресыщенной жизни. Дела в издательстве у Трубникова шли прекрасно: все было накатано, отрегулировано, схвачено. С заказами проблем не было, с налоговой – ни одного конфликта, с бандитами он тоже ладил. Словом, все было сыто, пьяно и шито черным по белому. Даже скучно. «Когда больше к чему стремиться – наступает скука», – подумал Трубников и сообразил, что спит на работе.

Пришлось отлепить от кресла голову и посмотреть на часы. Было уже пятнадцать минут десятого. Ого? Вот это поработал сегодня. Такого с ним еще не было. Сотрудники давно разошлись по домам, только гендиректор все никак не мог оторваться от своего рабочего места. Трубников прислушался. В коридоре гроыхало ведро, ревел пылесос и вахтер с уборщицей шутиливо перекидывались словами.

– Ну, что, Петровна, останешься со мной дежурить? – шаловливо интересовался вахтер.

– Я тебе останусь вот – тряпкой по башке, – отвечала уборщица. – Да еще Клавдии твоей пожалуюсь.

Вахтер засмеялся.

– Не понимаю тебя: ну придешь сейчас домой – мужика нет, детей нет. Скучно же!

– А мне не надо никакого мужика. У меня был мужик, когда я была богатой. А как только он профукал мои денежки, так и стала не нужна. А у меня было очень много денег. Я могла купить две «Волги».

– Это за ваучер что ли?

– Сам ты ваучер! Какой к бесу ваучер в восьмидесятом году? Я провернула такое дело. Вот сейчас мода продавать детей из детдомов всяким американским миллионерам. А знаешь, кто эту моду учредил? Я!

Вахтер покатился со смеху, а Трубников тяжело поднялся с кресла и подошел к зеркалу. Он был немного опухшим от сна: сонным, угрюмым, слегка обрюзгшим, но в целом еще выглядел вполне молодо, не более чем на свои тридцать два. Что же на душе было так, как будто прожил вечность?

Трубников скользнул расческой по своей светлой шевелюре, похлопал себе по щекам и тряхнул головой. Все! Хватит! Пора просыпаться. Ведь в принципе он еще стройный симпатичный мужчина, метр восемьдесят два ростом, на которого оглядываются еще совсем молоденькие девушки, а он себя так запустил.

Все! Завтра у нас что? Суббота? С завтрашнего дня утренняя пробежка, после нее гантели и бассейн. А в воскресенье – лыжи. И так каждую неделю.

Подмигнув себе в зеркало, Трубников открыл шкаф, чтобы снять с плечиков пальто, но внезапно за спиной раздался телефонный звонок. Пришлось подойти и взять трубку.

– Добрый день! – услышал он женский голос. – Вы Евгений Трубников, генеральный директор издательского дома «Элирна»?

– Совершенно верно, – ответил Трубников, не проявляя особого любопытства.

– Вас беспокоят из службы доверия. Нам только что звонил один мужчина, который собрался покончить жизнь самоубийством. Он сказал, что отчаялся, что совершенно одинок, что все его предали, в том числе и любимая женщина, поэтому жить больше не хочет. Еще он сказал, что за всю жизнь у него был только один друг, но его он предал сам. Друга звали Евгением Трубниковым. К сожалению, звонивший не назвал ни фамилии, ни имени. Его номер наш телефон не определил. Мы попытались его разговорить, чтобы определить номер через телефонную службу, но специалисты успели засечь только первые три цифры. Это девятьсот тридцать пять. Через справку мы узнали, что в Москве семьдесят четыре Трубниковых с именем Евгений. Так что к вам, Евгений Алексеевич, просьба: вспомните, был ли у вас друг, у которого домашний телефон начинался с цифр девятьсот тридцать пять.

– По-моему, нет, – ответил Трубников.

– Вы в этом уверены?

Трубников подумал и нехотя пробормотал:

– Сейчас на вскидку сказать не могу, но если вы подождете, я посмотрю в компьютере.

– Мы подождем. Будем очень признательны.

Трубников включил компьютер, вошел в банк данных, запросил все телефонные номера, которые начинались с девятки, и провел по ним пальцем. После чего снова подошел к телефону.

– У меня с этими цифрами только один номер – магазин радиоэлектроники на Ленинском проспекте.

– Извините! – сказали на том конце провода и положили трубку.

Трубников пожал плечами и снова подошел к шкафу. В коридоре давно смолк пылесос, но шамкающий голос уборщицы продолжал заливать что-то покатывающемуся от смеха вахтеру:

– Не поверишь? Они даже не заметили, что он того. И сразу на радостях сунули мне пятнадцать тысяч долларов.

– Врешь, Петровна! Хотя очень складно врешь. Ну, а как они попали в Москву?

– Да очень просто. Приехали на Олимпиаду!

Трубников быстро оделся, положил в кейс негативы и уже почти перешагнул через порог, как снова зазвенел телефон. «Так никогда не уйдешь», – с раздражением подумал он и взял трубку. Однако на этот раз звонила жена.

– Ты все еще на работе?

– Да. Но уже выхожу.

– А почему голос такой недовольный?

– Только что звонили из службы доверия и испортили настроение. Хотя нельзя сказать, что сильно испортили, но остался какой-то нехороший осадок.

И Трубников пересказал жене все, о чем только что говорил с девушкой из службы доверия. Настя к этому звонку отнеслась чрезвычайно серьезно. Немного помолчав, она спросила:

– А ты разве не знаешь, что новый телефон Димки Колесникова начинается с этих цифр?

– Да? – удивился Трубников. – А ты откуда знаешь?

– Мне Людка Зыбина давала его телефон. Мы с ней недавно встречались в кафе. Тебе продиктовать, или с ним ты все?

– Все! – угрюмо ответил Трубников. – Через двадцать минут буду. Пока. – Он уже почти водворил трубку на место, как вдруг снова поднес ее к уху. – Алло! Не бросила еще трубку? Прекрасно! Дай на всякий случай его телефон.

2

Трубников вышел из офиса, сел в автомобиль и завел двигатель. Но душе было настолько скверно, что, казалось, он никогда не дожидется, когда прогреется эта чертовая колымага. На улице мело и завывало. Нужно было выйти из салона и смахнуть со стекол снег, но снаружи было настолько промозгло, что не хотелось шевелиться. К тому же на душе скребли кошки.

Семь лет назад, в ноябре девяносто третьего года Трубников зарекся больше никогда не иметь дело с этим подонком Колесниковым. Все история их дружбы – это череда подлостей Димана по отношению к нему, его первейшему другу. А первейший друг мог пойти за него в огонь и в воду. И шел.

Трубников зябко сунул руки в карманы и наткнулся на сотовый телефон. Пришлось извлечь его наружу и набрать номер, который только что продиктовала жена. По нему долго никто не отвечал, наконец, на том конце оборвались короткие гудки, но ничего не произнесли.

– Алло! – буркнул Трубников, так и не дождавшись голоса хозяина. – Алло! Извините, эта квартира Колесникова?

– Женька! – раздался в трубке Димкин голос. – Это ты? Ушам не верю.

– Привет, Диман! Ты что, болеешь? Голос у тебя какой-то не слабый. Это не ты случайно сейчас звонил в службу доверия?

– Откуда ты знаешь? – вяло изумился Колесников.

– Значит, все-таки ты? Рассказывай, в чем дело!

На том конце долго молчали, затем внезапно раздался всхлип. Трубников дернулся. Чтобы Колесников когда-нибудь плакал, всегда живой, всегда веселый, с кучей невероятных прожектов и авантур в кудрявой башке, такого не было. Расскажи кому, не поверят.

– Диман, ты че? Ты датый что ли?

– Прости меня, Женек! Я подло жил и умираю как собака, в одиночестве. Но, слава Богу, что ты позвонил. Я счастлив, что перед концом мне дали возможность извиниться перед тобой за все мои подлости, которые я совершил... Теперь мне будет не так тяжело уходить.

– Диман, ты че? Ты где так нажрался? И куда ты собрался, на ночь глядя?

Это тоже не лезло ни в какие ворота. Чтобы наглый, напористый и всегда уверенный в себе Колесников извинялся – да ни за что на свете! Ему легче удавиться, чем признать свою вину. Но если говорит, что подыхает как собака, значит действительно со страшного бодуна.

– Диман, что случилось? Говори, не темни! А иначе сейчас подъеду и начищу пятак.

– Поздно, брат! – судорожно всхлипнул Колесников. – Я уже вскрыл вены... Так хорошо. Все куда-то плывет. А ты со мной базаришь...

– Что? – взревел Трубников. – Ты серьезно вскрыл вены? Без трепя? Идиот! Ты что, обкурился? Говори, обе руки порезал? Не молчи, Диман!

– Не... только одну, – неохотно отозвался Колесников. – Я хотел и другую руку вскрыть, но на левой – перерезал сухожилия. И теперь левая рука не действует...

– Дима, срочно диктуй адрес. Срочно я сказал! Ты меня слышишь.

– Женек, ты меня хочешь спасти? – простонал Колесников и снова заплакал. – Женек, спаси! Один я не выкарабкаюсь.

– Диктуй адрес!

– Я живу на Ленинском проспекте, дом девяносто пять...

Колесников скороговоркой пробормотал номер квартиры и сокрушенно вздохнул.

– Код? Код подъезда, быстро!

– А, код? – невесело рассмеялся Колесников и продиктовал код.

– Теперь вот что сделай: скорее затяни руку чуть ниже локтя любой веревкой, электрическим проводом, шнурком от ботинка – чем угодно, что попадется под руку, и открой входную дверь. Немедленно! Понял?

– Ты, правда, приедешь? Не обманешь?

– Уже еду!

Трубников рванул с места и погнал на полной скорости в сторону Ленинского проспекта, игнорирую светофоры и автоинспекцию. На ходу он позвонил в «скорую помощь» и продиктовал адрес Колесникова. К сообщению реаниматоры отнеслись весьма недоверчиво, долго выпрашивали данные звонившего, источник информации, интересовались, кем звонившей приходится потерпевшему по родственной линии.

– Да езжайте же, черт возьми! – рассвирепел Трубников. – Дорога каждая минута.

Через двадцать минут Евгений уже был на Ленинском проспекте и соображал, с какой стороны лучше всего заехать во двор дома номер девяносто пять. Он повернул налево и не ошибся. Там была арка. «Только бы Колесников не наврал адрес», – последнее, что мелькнуло в голове.

Трубников подъехал к подъезду, выскочил из машины и набрал номер кода. Дверь открылась. «Слава Богу», – облегченно выдохнул Евгений и бегом рванул к лифту. Поднявшись на седьмой этаж и выскочив на площадку, Евгений торкнулся в нужную дверь, но она оказалась запертой. Он позвонил в квартиру, однако никто не ответил. Тогда Трубников нетерпеливо постучал ногами, но и это не возымело эффекта.

«Выбить что ли?» – подумал Евгений, параллельно оценивая фронт работы. Дверь одинарная. Сразу видно, что сюда переехали недавно и еще не успели поставить бронированную дверь. Три удара – и проблема решена. Весь вопрос, та ли эта квартира? Колесников ведь мог и наплести.

Не углубляясь в размышления, Трубников, отошел на три шага и грудью кинулся на дверь. Она жалобно всхлипнула, но не поддалась. Трубников отошел на пять шагов и со звоним хрипом повторил попытку. Плечо хрустнуло, но дверь по-прежнему была глуха к чаяниям гостя. Ничего! Сейчас мы ее ножкой! Будет фишка, если квартира окажется не та.

Три удара по замку пяткой – и дверь приняла более гостеприимный вид. Трубников влетел в темную квартиру и остановился. Приглядевшись, увидел, что из-под двери гостиной выбивается слабая полоска света. Не без волнения Евгений толкнул дверь и вздрогнул. На полу в луже крови под фиолетовым торшером лежал он, друг его детства Димка Колесников. Лежал, не шевелясь, и был совершенно прозрачным.

Трубников не долго пребывал в оцепенении. Он деловито подошел и, не сводя глаз с безжизненного лица Димана, поднял его руку. Из разреза у запястья еще продолжала струиться кровь и, кажется, не собиралась сворачиваться. Трубников осмотрелся. На журнальном столике стояла магнитола. Гость выдернул ее из розетки, оторвал провод и туго стянул руку товарища ниже локтя.

Веки Колесникова внезапно дернулись и медленно поднялись вверх. В глазах было мутно и бестолково. Но в какую-то секунду в них что-то блеснуло, и Колесников едва заметно улыбнулся.

– Женя, ты все-таки приехал, – еле слышно прошептали белые губы, и веки снова закрылись.

В это время в прихожей раздался звонок. Трубников вздрогнул и поспешно проследовал к выходу. Звонили по домофону.

– «Скорую» вызывали? – спросили внизу.

– Да-да, мы вас ждем. Входите!

3

Самую первую подлость Колесников совершил в шестом классе. Их с Трубниковым пригласили участвовать в районном конкурсе чтецов. Первый приз – портативный магнитофон «Легенда», второй – транзисторный радиоприемник «Альпинист». Среди чтецов в школе Трубникову не было равных. Особенно он проникновенно читал Лермонтовское стихотворение «Смерть поэта». Когда Женя выходил на сцену актового зала и начинал декламировать «Погиб поэт, невольник чести», замолкали даже самые отъявленные хулиганы. Колесников в принципе читал тоже неплохо, но все равно на голову ниже Трубникова. У него не выступала на лбу испарина и не очень органично выбрасывалась рука в сторону преподавательского состава на строках: «А вы, надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...» Хотя Дима в подражание другу читал эти стихи тоже с большим воодушевлением.

Когда объявили этот конкурс, литераторша Нина Петровна, вернувшись из гороно, заявила, что первое место их школе обеспечено железно. Она, в качестве члена жюри, только что прослушала кандидатов из других школ и дает голову на отсечение, что Трубникову равных нет. Нет равных даже Колесникову.

Диман сразу заволновался и начал требовать, чтобы Лермонтовское стихотворение «Смерть поэта» дали прочесть ему.

– Ни за что! Это мое стихотворение! – покраснел от возмущения Трубников.

– Да, действительно, – согласилась Нина Петровна. – Раз уж у Жени так хорошо получается, то пусть и читает. А ты, Дима, прочти «Белеет парус одинокий».

Колесников приуныл.

– А можно, мы вместе прочтем «Смерть поэта»? – с последней надеждой попросил он.

– Нет! – ответила учительница. – Комиссия снижает бал, если одно и то же произведение читают дважды. Да ты не расстраивайся, Дима. Второй приз тоже неплохой.

На городском смотре действительно читали все очень плохо: фальшиво, помпезно и через чур громко. «Настоящее искусство не нуждается в луженой глотке», – думал за кулисами Трубников и посмеивался над конкурсантами. Его берегли напоследок, как сюрприз. Перед ним пустили Колесникова. Диман вышел с хмурым лицом, трагично закрыл глаза и вдруг продекламировал скорбным голосом: «Погиб поэт, невольник чести...»

С первых же слов Колесникова утихли все зрители в зале, которые до этого вели себя весьма вольно. Трубников видел, как преобразились и приосанились члены городского жюри. Даже работники сцены, и те повернули головы на чтеца, на минуту оторвавшись от своих карт. От такой неожиданности Женя остолбенел. Он пребывал в состоянии шока до конца стихотворения. И даже после того, как зал разразился бурными аплодисментами, Трубников никак не мог прийти в себя и понять в чем дело?

В принципе Колесников прочел неплохо, но все равно не так виртуозно, как это сделал бы Трубников. Когда выкрикнули его фамилию, Женя с каменным лицом вышел на сцену и, встав перед жюри, долго не мог сообразить, где он находится и что нужно читать? Опять «Смерть поэта»? Эта вызовет смех. И тогда Трубников прочел «Белеет парус одинокий». Прочел так себе, почти скороговоркой. Тем не менее, ему присудили второй приз – радиоприемник «Альпинист». А первый – магнитофон «Легенда» под всеобщее ликование вручили Диме Колесникову.

Нина Петровна была счастлива. Два первых места взял ее класс. Колесников тоже был счастлив, и была счастлива вся школа, присутствующая в тот вечер в зале. И только Трубников было глубоко несчастен. После шумной церемонии он подошел к другу и посмотрел ему в глаза. Зрочки Колесникова бешено забегали.

– Что же ты так поступил не по-товарищески? – спросил с обидой Трубников. – Мы же договорились, что я буду читать «Смерть поэта».

– Ничего мы не договаривались, – дернул плечами Колесников, прижав к груди магнитофон. – Это стихотворение – не твоя личная собственность. В условиях конкурса было сказано, что участники выбирают стихи по своему усмотрению. Вот я и выбрал по своему усмотрению.

– Ты мне больше не друг, – мрачно произнес Трубников.

– Пожалуйста! – усмехнулся Колесников.

После чего развернулся и убежал с хитрой улыбкой на лице. А Трубников смотрел ему вслед и впервые в жизни чувствовал разочарование в своем первейшем товарище.

Вспоминая этот случай, глава известного издательства катил по Москве в сторону Суцеского вала и тяжело вздыхал. Тогда он думал, что никогда не простит мерзавцу такое предательство. Однако простил. Причем на следующий же день. Диману нельзя было не простить...

Когда через некоторое время Трубников угрюмо ввалился в дом, к нему сразу метнулась жена. Глаза ее были огромными и испуганными.

– Ты где был? Я уже начала обзванивать больницы. Сегодня с утра предупреждали, что на дорогах гололед.

– Все нормально, – ответил Евгений.

Он разулся, повесил пальто на вешалку и закинул кепку на шкаф. После чего прошел в зал и тяжело плюхнулся в кресло. За ним встревожено прошлепала Настя. Она взглянула на его руки и ахнула.

– Ты попал в аварию? У тебя руки в крови.

– Да, успокойся ты. Это не моя кровь. Это Димки. Я его только что отвез в больницу.

Настины глаза сделались с чайные блюдца.

– Что с ним?

– Перерезал себе вены.

– Зачем?

– Черт его знает? Завтра поеду выяснять. Если его откачают, конечно. Он очень плох. Врачи сказали, что потерял много крови, но жизнь его, кажется, вне опасности.

– Фу ты, – с облегчением выдохнула жена. – А как ты на него вышел?

– Позвонил по номеру, который ты дала. И, кстати, вовремя позвонил. Он как раз только что располосовал руку. Хотя нет. Я приехал через двадцать минут – он уже был без сознания... – Евгений поднял глаза на супругу. – Сдается мне, что по телефону доверия он уже говорил с перерезанными венами.

– Какой ужас, – простонала жена.

Евгений внимательно посмотрел на Настю и подозрительно сузил глаза.

– Ты-то чего переживаешь?

– Ну, как? Все-таки твой друг, – произнесла она растерянно. – Хоть и бывший...

4

А под утро ему опять приснилось, что он хлещет по щекам жену. Самое удивительное, что наяву он ее пальцем никогда не трогал, хотя она иногда и доводила до бешенства своим упрямством. Во сне Трубников знал, что это ему снится, и знал, что если бьешь во сне жену, то наяву, по соннику царя Соломона, жена изменяет. Поэтому, видит Бог, бедняга сдерживался, как мог.

– Ты где была? – прохрипел ревнивец грубо, трепеща от злости словно лист. – Отвечай, когда тебя спрашивают!

Жена не отвечала. Она лукаво улыбалась и жеманно отводила глаза. Такой он ее ненавидел.

– Ты скажешь, или нет?

Она не говорила. Тогда он размахнулся и нанес ей первую пощечину, затем вторую, третью, и сердце провалилось куда-то очень глубоко. Чем сильнее он ее хлестал, тем большим сочувствием проникался к этой несчастной женщине, которой шагу нельзя ступить без того, чтобы ее не отдубасил муж. Но остановиться бедняга уже не мог и с тоской осознавал, что от этой отчаянной и бессмысленной молотьбы его спасет только пробуждение.

Трубников проснулся в холодном поту. Жена мирно посапывала рядом, и вид ее был ангельским. Часы показывали половину седьмого, так что досматривать спектакль не имело смысла.

Евгений нащупал под ногами тапочки, да так и замер на своей супружеской кровати. Сколько еще его будет терроризировать этот сон-мучитель? Ведь самое интересное, что его жена никогда не приходила поздно. Точнее сказать, почти никогда. Может быть, за всю их восьмилетнюю супружескую жизнь такое случалось раз пять-шесть, но муж всегда знал, где задерживалась его супруга, и повода для волнения не было. Если она действительно ему изменяет, то только днем, когда он бывает на работе.

Сзади послышалась шорох, и теплая ладонь ласково коснулась спины.

– Ты уже встаешь? – произнесла Настя сонным голосом.

– Встаю, – хрипло отозвался Евгений. – Он немного помолчал, затем внезапно спросил, подумав, что момент самый что ни на есть подходящий. – Скажи честно, у тебя есть кто-нибудь?

Сзади послышался лукавый смешок, точь-в-точь как во сне, затем шелест одеяла и хруст мосолочков. Настя сладко потянулась.

– Что это тебе с утра взбрело в голову? – нежно ответила она. – За всю жизнь я знала только одного мужчину.

Жена томно вздохнула и повернулась на другой бок. Такой ответ всегда успокаивал Евгения. Впечатление от сна тут же сняло, как рукой. Он бодро поднялся и направился в ванную. Побрившись и приняв душ, издатель выпил на американский манер стакан апельсинового сока и, наконец, набрал номер телефона больницы.

– Алло! Добрый день! Вчера к вам привезли человека с перерезанными венами. Его фамилия Колесников. Как он себя чувствует? Вы в курсе?

– А вы кто, родственник? – поинтересовалась дежурная сонным голосом.

– Я не родственник. Я его друг.

– Мы даем информацию только родственникам.

– Послушай, ты, тетенька! Я сейчас подошлю ребятишек, и ты забудешь, как тебя зовут...

– Как вы сказали? – мгновенно приободрилась дежурная. – Колесников? Сейчас посмотрю в журнале. Прооперировали его удачно. Состояние удовлетворительное. Он лежит

в реанимационном отделении, в шестнадцатой палате. Возможно, после утреннего обхода его переведут в психиатрическое отделение.

Трубников бросил трубку и начал стремительно одеваться. Когда он влез в ботинки и надел пальто, из спальни выплыла жена в розовом пеньюаре.

– Ты опять не позавтракал?

– Некогда. Перекушу по дороге.

– Почему так рано?

– Хочу успеть в больницу до обхода врача. После обхода Димана могут перевести в психиатричку. А туда уже не прорвешься.

Трубников быстро зашнуровал ботинки и выскользнул в подъезд. Через час он уже стоял перед закрытой дверью больницы и упрямо молотил в стекло. Подошел заспанный вахтер и через дверь объяснил хриплым голосом, что пускать некого не велено. Гость вытащил из кармана десятидолларовую банкноту и прилепил к стеклу. Вахтер не долго раздумывал. Он откинул крючок, всучил посетителю халат и предупредил:

– Я вас не пускал. В случае чего, вы прошли через подвал родильного отделения. Реанимация на четвертом этаже.

– Спасибо, – буркнул Трубников и направился к лифту.

Выйдя на четвертом, Евгений сразу наткнулся на какую-то медсестру с бешеными глазами.

– Кто вас пустил? – скандально закричала она.

– Тише, мамаша. Больных разбудишь, – спокойно ответил посетитель и сунул в ее карман десять долларов.

Медсестра тут же сменила гнев на милость.

– Только халат оденьте, – произнесла она по-матерински и исчезла.

Трубников вошел в шестнадцатую палату и сразу увидел Димана. Он был по-прежнему бледен, но не так как вчера. Вчера его лицо было как у покойника, а сегодня на его скулах проступала хоть слабая, но жизнь. Визитер покосился на двух его соседей под капельницами и подошел к кровати. Рука Колесникова была перевязана, глаза закрыты, губы без единой кровинки.

Трубников громко придвинул стул, и веки Димана дернулись. Глаза его не выразили особого удивления, однако губы расползлись в улыбке.

– Я знал, что ты меня не бросишь, – пролепетал он еле слышно.

– Что случилось? Можешь объяснить? – спросил Трубников, наклонившись к его лицу.

Губы больного искривились в усмешке. Он покосился на своих собратьев по капельницам и со свистом прошептал:

– Я убил человека.

– Что? – вздрогнул Трубников. – Ты убил человека?

– Убил! Впервые в жизни. И знаешь кого? Мужа Марго.

5

В тот день было жутко холодно. Колесников как принялся дрожать с утра, так и не переставал до вечера. Он влез в два джемпера, укутался в одеяло, включил обогреватель, но все равно не мог согреться. Бедняга понимал, что погода здесь ни при чем. Из окна он видел, что люди на улицах ходили нараспашку и без головных уборов. Холод им не докучал. Да и термометр за окном показывал всего минус два. Тем не менее, Колесникова продолжало трясти не столько от холода, сколько от того, что он должен совершить сегодня.

Иностраннный револьвер был куплен накануне у какого-то чеченца, прочищен, смазан и заряжен. Также был приготовлен трехметровый лоскут мешковины для трупa. Веревка и двадцатичетырехкилограммовая гиля уже лежали в машине. Гиля на тот случай, если труп придется утопить. Хотя Колесников не был уверен в том, что это затея удастся. Все реки скованы льдом. Как-никак не май месяц, а начало февраля. На всякий случай, Дмитрий сунул в багажник канистру с бензином. Может быть, еще придется покойника сжигать. Черт его знает? Конечно, это не самый лучший вариант, но что делать? А вдруг сегодня не попадется по пути река с прорубом?

В назначенное время Колесников уже был на Соколе. Бега подходили к концу. По громкоговорителю объявили последний забег. Дмитрий подъехал к автостоянке и понял, что встать рядом с автомобилем Марго не получится при всем желании. Машины стояли друг к другу очень плотно. «Было бы прекрасно, если бы вообще не обнаружить ее «Жигулей», – мелькнула трусливая мысль.

Колесников оставил свой «БМВ» за углом и пешком направился к автостоянке. Не дойдя до нее двухсот метров, он увидел белую «девятку» Маргулиных и почувствовал слабость в ногах. Значит, она не раздумала. Значит, все, о чем она говорила вчера, не было сном? Не может быть! Ведь Колесников до последней минуты не верил, что Марго явится на ипподром.

Ничего не оставалось, как подойти к машине, посмотреть на номера и бросить взгляд в салон. Теперь сомнений не было – это точно «Жигули» Маргулиных. И номера совпадают, и белеет ее сумочка на заднем сиденье. Только рядом встать не представлялось возможным, несмотря на то, что машина находилась с краю. Сбоку пристроился серебристый джип, оставив полкузова на проезжей части.

Колесников вернулся в автомобиль и включил радио. Тряска не проходила. Пришлось приложиться к фляжке с коньяком, которую он приготовил для поднятия духа. «Если внезапно остановит автоинспектор, значит не судьба», – усмехнулся Колесников и снова хлебнул из фляжки.

По радио сообщили новость: «Вчера вечером сработало взрывное устройство на станции метро «Белорусская». «Кому все неймется?» – с раздражением подумал водитель, и в эту минуту на ипподроме по репродуктору начали объявлять победителя.

Через некоторое время народ повалил на улицу. Колесников напрягся. «Хорошо, если бы Марго оказалась одна», – мелькнула вторая трусливая мысль. Но и это пожелание не сбылось. Вскоре он увидел ее в толпе, идущей под ручку со своим мужем Олегом. Олег был задумчив, а она напротив – весела и говорлива, как будто знать не знала, что через полчаса застрелят ее законного супруга. А может, Маргулина приколотась?

Однако прежде чем сесть за руль, красавица внимательно посмотрела на примостившийся с боку джип, затем озабоченно pokrутила головой, как бы ища кого-то, и только после этого нехотя опустила на сиденье. «Помнит, стерва!» – усмехнулся Колесников и завел мотор.

Он ехал за ними на расстоянии пятидесяти метров, прячась за грузовые машины и шины, рывая с полосы на полосу, чтобы не очень бросаться в глаза. Маринкин муж хорошо знал и самого Колесникова, и его автомобиль, так что прятаться было необходимо. Когда они выехали на Ярославское шоссе, и количество машин уменьшилось, пришлось увеличить расстояние метров до ста. Но внимательный водитель давно бы заметил, что за белой «девяткой», следит зеленый «БМВ», поскольку едет за ней с самого Сокола, не пытаясь обогнать. А «Жигули» как назло, с каждым километром все больше замедляли ход. У Макдональдса они остановились. Тормозить в ста метрах от американской бутербродной было нелепо. Пришлось прибавить скорость и проехать мимо. Краем глаза Колесников заметил, как вышедший из машины Олег, метнул подозрительный взгляд на пролетающую мимо иномарку.

«Так и есть. Засек!» – подумал преследователь и свернул на первом попавшемся повороте. Он остановился. Сердце дико колотилось, в ушах шумело. Дмитрий упал лицом на руль и минут пять не двигался. Надо взять себя в руки. Собраться. Все хорошо, все прекрасно. Ездить в ярославском направлении никому не возбраняется.

Немного успокоившись, Дмитрий хлебнул коньяку и развернулся. Ждать пришлось недолго. Через некоторое время на трассе мелькнула белая «девятка» Марго. Колесников снова выехал на прямую и рванул за ней. Теперь он катил за своей жертвой на расстоянии трехсот метров, но все равно его было видно, поскольку их отделяли всего две машины. Через некоторое время они обе обогнали «Жигули» Маргулиных, и Колесникову ничего не оставалось, как снизить скорость до минимума. Теперь только слепец мог не догадаться, что его роскошный «БМВ» преследуют это жалкую «девятку» с самой Москвы. «А Олег у Марго далеко не дурак, – угрюмо подумал Колесников, продолжая следовать за ними. – А будь, что будет!»

Не доехав двухсот метров до поста ДПС, «Жигули» свернули налево, на ту самую грунтовую дорогу, о которой говорила Марго. Колесников прибавил скорость. «Зона отдыха «Старая Мельница», – прочел Дмитрий на указателе и съехал с трасы.

Дорога была совершенно пустынной. Она петляла, проваливалась и терялась между сосен, которые уныло тянулись по обеим сторонам. Можно было не торопиться. «Девятка» совсем превратилась в черепаху. Она то проваливалась, то выныривала из каких-то невообразимо жутких ям, которыми была испещрена дорога. Только после того, как эта карака-тица скрылась за поворотом, Колесников прибавил скорость. Выехав из-за поворота, Евгений внезапно увидел, что «Жигули» остановились. Супруги вышли из машины и открыли капот. Сразу же после этого Марго не спеша отправилась в лес, а Олег остался копаться в моторе.

Колесников, не снижая скорости, достал из «бардачка» пистолет и сунул в карман куртки. Он медленно проехал мимо «Жигулей», и Олег поднял голову. Но преследователь сделал вид, что не узнал Маринкиного мужа и презрительно отвернулся. Его сердце, казалось, сейчас проломит грудную клетку. Может быть, прибавить скорость и проехать мимо?

Дмитрий остановился в десяти метрах от копающегося в моторе Маргулина и впился в зеркальце. Сейчас по всем законам логики Олег должен оторваться от своего занятия и подойти к нему с дурацким вопросом, какого черта он едет за ними с самой Москвы и делает вид, что не узнает? Вот в этот момент Колесников и выстрелит ему в лоб.

Рука Дмитрия судорожно сжала рукоятку револьвера. Один палец был на курке, другой на взводе. Однако Олег не спешил узнавать поклонника своей жены и продолжал возиться в моторе.

Колесников вышел из машины, не вынимая из карманов рук. Игнорируя дрожь в коленях и стук в висках, он решительно направился к «Жигулям». «Смотри-ка, даже не поворачивает головы, – усмехнулся про себя убийца. – Точно не признал, или прикидывается шлангом? Скорее всего, прикалывается».

Дмитрий подошел вплотную, взвел в кармане курок и вынул револьвер. Олег обернулся и удивленно посмотрел на Колесникова, по-прежнему не узнавая, точнее, узнавая только напо-

ловину. Дмитрий не стал дожидаться, когда Маргулин узнает его полностью. Он быстро поднес револьвер к его виску, закрыл глаза и выстрелил.

Кровь фонтаном брызнула на рукав и залила пистолет. Из Олега вырвался стон, а в глазах застыли боль и удивление. Боль и удивление так и остались в глазах у Олега, а его обмякшее тело начало медленно сползать на землю.

6

Неожиданно в палату вошла медсестра и прошипела с вытаращенными глазами.

– Главврач начал обход. Быстро уходите!

Посетитель поднялся с места, тряхнул здоровую руку друга и подмигнул.

– Все будет нормально. Не унывай!

Произнеся это как можно бодрее, Трубников немедленно вышел из палаты и быстрым шагом направился к лифту. Но сестра остановила.

– Вам не сюда! Вам надо по лестницу на шестой этаж. Там пройдете через родильное отделение и спуститесь на грузовом лифте в подвал. Из подвала свободный выход.

Честно говоря, признание Димана ошеломило бывшего одноклассника. Но что-то здесь было не логично. Конечно, Колесников мог убить Маринкиного мужа. В этом сомнения не было. Диман на этой Маргулиной помешан с детства. После того, как Марго вышла замуж, Димка целый месяц лежал на диване в ступоре, отказываясь от пищи и воды. Он едва выкарабкался, и то, благодаря Маринке. Она пришла к нему домой и сказала:

– Не расстраивайся, Диман! Я скоро разведусь.

И она действительно вскоре развелась. Не прошло и пяти лет. Только радость Димана оказалась преждевременной. Марго снова его отвергла и вышла замуж за Олега, который на семь лет ее младше. Ее второй муж был красивым, самоуверенным и наглым. Подстать Марго. Он был таким же бессердечным и ироничным, как его жена. Над разбитым сердцем Колесникова Олег измывался с упоением садиста. С его стороны это было крайне не благородно. Только где сейчас найдешь благородных? Поэтому неразделенная любовь и униженное самолюбие могли толкнуть Колесникова на убийство. Однако не это было удивительным. Было удивительно, что Трубников ничего не слышал о смерти Маринкиного мужа, и буквально на днях, кажется, позавчера видел его живым и невредимым. Когда же Диман успел его грохнуть? Неужели вчера? Точно, вчера! А потом поехал домой и резанул себе вены. Эх, Диман, Диман...

Когда Трубников прибыл на работу, в конторе еще никого не было.

– Раненько вы сегодня, Евгений Алексеевич, – произнес вахтер вместо приветствия, открыв ему парадную дверь.

Трубников пробурчал в ответ что-то невразумительное, прошел в кабинет и, не раздеваясь, опустился в кресло. Димана надо спасать от тюрьмы, но как? Милиция, наверное, уже на ногах. Ищет идиота.

Евгений набрал номер Маргулиных, и, к своему удивлению, вместо горестного голоса вдовы услышал жизнерадостный возглас Марго.

– Я слушаю! Алло. Говорите!

– Марго, это ты? – произнес Трубников, не поверив ушам.

– Более глупый вопрос может задать только твой друг Колесников, – ответила Маргулина. – Ну, если ты, Женька, звонишь мне, кто же еще может быть у аппарата?

– Да, конечно, извини! Не узнал тебя! – растерянно пробормотал Трубников.

– Значит, богатой буду. А я твой голос узнаю слету. Ну, говори, чего звонишь в такую рань?

Трубников растерялся.

– Э-э... видишь ли... Хотел узнать, как у тебя дела?

– Соскучился? – ласково промурлыкала Маринка.

– Очень.

– У меня все нештяк. А у тебя?

– У меня? – замялся Трубников. – Как бы тоже ничего. А у мужа твоего, если не секрет?

- Так тебе нужен Олег? – зевнула Маргулина. – Так бы сразу и сказал. Позвать?
- А он дома? – насторожился Трубников.
- Где же еще ему быть в такой час? Разбудить?
- Разбуди!

Через минуту Евгений услышал сонный голос Олега. Пришлось на ходу придумывать оправдание для своего звонка.

- Привет. Как дела? Ты сейчас работаешь где-нибудь?
- Пока нет. Я уволился из института. Хочу открыть свое дело по разработке технологических проектов. А ты, насколько я догадываюсь, что-то хочешь предложить?
- Мне нужен начальник отдела сбыта. Я почему-то подумал о тебе.
- Какая зарплата?
- Договоримся.
- Тогда я подумаю.
- Подумай!

Трубников водворил трубку на место, и внезапная злость охватила его. Опять эти дурацкие штучки Колесникова. Уже был одной ногой в могиле, а все равно продолжает плести свои непонятные интриги. Подлый он все-таки человек! Теперь из-за него нужно что-то врать Олегу, если он действительно согласиться на должность начальника отдела.

Народ стал потихоньку подтягиваться. В половине десятого Трубников как всегда провёл летучку, устроил разгон верстальщикам, пригрозил художникам и поставил на вид производственный отдел. Словом, машину запустил, остальное – на совести подчиненных. Теперь можно снова со спокойной душой уединиться в кабинете и погрузиться в свои обломовские раздумья.

В одиннадцать позвонила жена.

- Ну, как Колесников? Откачали?
- Откачали. Не переживай!
- А почему такой раздраженный?
- Да потому что мудак, твой Колесников! Ты знаешь, из-за чего он перерезал вены? Из-за того, что убил Олега, Маринкиного мужа.
- Боже мой! – ужаснулась жена. – Я всегда знала, что эта сука доведет его до смертоубийства. Когда похороны, спросил?
- Какие к черту похороны? На самом деле он никого не убил. Я только что говорил с Олегом по телефону. Он жив и здоров. И даже изъявил желание работать у меня начальником отдела сбыта.

– Фу ты! – выдохнула жена. – А я уж собралась расстроиться. У Колесникова что же, крыша поехала? Ничего себе. Ну, у вас и класс в тридцать пятой школе. Уже второй трюкнулся. Первый – Вова Кузнецов. Второй – Дима Колесников. Если бы вальтанул какой-нибудь Зайцев, или Семенов – никто бы не удивился. Эти типичные дегенераты. Так нет, крышу снесло у круглого отличника, медалиста, победителя четырех математических олимпиад Володи Кузнецова. Но с ним понятно. Это у него после Пермской аномальной зоны. А у Колесникова после чего?

– Понятие не имею после чего? – раздраженно ответил Трубников. – А может, ничего у него не снесло. Может, он задумал очередную подлость.

7

Вторую крупную подлость Колесников совершил в восемьдесят шестом году. После окончания школы неразлучную пару без всякой двухгодичной отработки приняли на первый курс Литературного института. Способности к поэзии у друзей стали проявляться сразу после девятого класса. Честно говоря, стихи Трубников начал тайно пописывать уже в четвертом классе, а Колесников, в третьем, если не врет. Но, конечно, врет! Первым стихотворением Диман родился в шестом классе, после прихода Маринки Маргулиной.

Но это не так важно, кто и когда начал писать, главное, что с девятого класса их поэтический дар стал развиваться особенно бурными темпами. Трубников даже на уроке математики пытался говорить шестистопным гекзаметром, Колесников в подражание ему впичкивал физические законы в четырехстопные ямбы. Весь класс потешался над ними, на что Трубников выбрасывал вперед руку и с пафосом восклицал, обращаясь к одноклассникам: «Презренная, толпа, как ты недобра и глупа», а Колесников подхватывал с места: «А без поэтов, индюки, вся жизнь – труба». После чего, их обоих выгоняли с урока.

Кто из них писал лучше? Да, конечно, Трубников. Его стихи были более отточенными, более остроумными, более тонкими и более глубокими по мысли. Колесников работал на публику, хотя и понимал, что это неблагодарное занятие. «Сорвать аплодисменты с полуграмотной толпы, может любой дурак, – упрекал товарища Евгений. – Обычно этим он и занимается. А задержать на себе взгляд умного человека – на это уже способен не каждый». Но Трубников мог.

Тем не менее, их на равных приняли в Литературный институт на один семинар, где они сразу завоевали популярность. Но к весне над обоими нависла угроза призыва в вооруженные силы.

– Что будем делать, Диман? – запаниковал Трубников. – Армия в мои планы не входит.

– В мои – тоже! – почесал затылок Колесников.

Выход подсказал руководитель семинара. Он посоветовал обратиться к ректору. Тот может похлопотать об отсрочке до окончания института. У него с военкоматом договоренность. Одному самого талантливого студенту из семинара обязательно предоставляют отсрочку.

– А двоим?

– Честно говоря, не помню случая, чтобы отсрочку предоставляли двоим, но вы сходите, на всякий случай, вместе. Если не получится, то сами решите, кто из вас более талантлив.

Руководитель тонко улыбнулся и удалился, оставив студентов в чрезвычайной задумчивости. Друзья визит к ректору решили отложить до утра, а в данный момент разойтись по домам и хорошенько раскинуть мозгами. Однако на следующий день Колесников заявил, что ему некогда идти к ректору, что это дело лучше отложить до понедельника. В понедельник Диман снова куда-то помчался, пояснив, что время еще есть. И так тянулось две недели. Потом Колесников неожиданно заболел, и Трубникову ничего не оставалось, как отправиться к ректору одному, но с твердым намерением похлопотать за них обоих. Ректор встретил студента с высоко поднятыми бровями.

– Я уже освободил из вашего семинара одного. Колесникова, кажется. Да, точно! Он приходил две недели назад. Двоих не могу. Извините. В военкомате меня не поймут.

Так и загремел Евгений в артиллерию. Своего закадычного друга он больше в ту весну не видел, но позвонил ему перед отправкой с призывного пункта.

– Что же ты, Диман, так подло поступил?

– Почему подло? – удивился Диман. – Подумаешь, отсрочка. Все равно мне тоже придется служить. Но после института. Я не думаю, что это лучший вариант...

Однако после института Диману служить так и не пришлось. Ему каким-то образом удалось откосить от армии.

За два года Трубников забыл свою обиду, тем более что в армии к нему относились с большим уважением как товарищи чистопогонники, так и командный состав. Его освобождали от нарядов и марш-бросков, от такелажных работ и от всего остального, с чем сталкивается в своей службе артиллерист. И все из-за того, что он виртуозно владел поэтическим словом.

Евгений оформлял стенды, стенгазеты, сочинял стихи, эпиграммы, писал речи офицерам и обрабатывал командиру части его статьи для армейской газеты. Кроме того, Евгению предоставляли достаточно времени для его личного творчества, выделив в библиотеке просторный закуток. Когда же в областной газете появлялись стихи рядового Трубникова, вся военная часть носила его на руках и даже производила холостые залпы из артиллерийских орудий.

Словом, на армию Евгений не в обиде. Более того, за два года он довел свой поэтический слог до такого совершенства, что когда вернулся в институт (хоть и на второй курс, но снова на свой семинар), однокурсники ахнули. А что же еще было делать длинными, армейскими вечерами, как не совершенствовать поэтический дар?

Надо отметить, что Трубников демобилизовался весьма вовремя. Была весна восемьдесят девятого года. Вся литературная Россия готовилась к девятому совещанию молодых писателей, на которое впервые в советской истории приглашали не по рекомендациям писательских секретарей, а по рукописям самих литераторов.

А за месяц до этого в Москве прошел рыцарский турнир московских поэтов, на котором опять проявился подлый характер Колесникова. Однако подлость не удалась. О ней Трубников узнал только год спустя. Но поскольку она не сработала, Евгений не принял ее близко к сердцу.

Итак, по возвращении из армии Трубникова сразу пригласили участвовать в рыцарском турнире поэтов. Колесников уже сдал документы в комиссию и был очень доволен собой. За эти два года он тоже подточил свою поэтическую стилистику, но конечно не до такой степени, как его друг. В стихах у Трубникова к поэтическому аромату Парнаса примешался своеобразный запах армейских портянок. Это сочетание производило на зрителя убийственный эффект.

Когда он вышел на сцену и начал читать свои армейские вирши, воцарилась такая жуткая тишина, что стало страшно за страну. То, что прочел Трубников, возымело эффект артиллерийского залпа. Уже без всякой комиссии было ясно, что первое место присудят ему. В этом не сомневались ни зрители, ни участники турнира, которые продолжали борьбу за вторые и третьи места. Трубникову не могло не броситься в глаза, что Диман после его выступления как-то сразу обмяк и приуныл. А члены жюри, которые до этого полусонно и снисходительно наблюдали за тем, что происходит на сцене, оживились и о чем-то горячо заспорили. При подведении итогов они размахивали руками и хватали друг друга за грудки. Наконец, один из них схватил ручку и принялся что-то вписывать в приготовленные грамоты.

Вышел председатель жюри и с улыбкой объявил, что первое место присуждено Трубникову. Зал взорвался аплодисментами. Евгению пожали руку и вручили грамоту. Взглянув в нее, победитель с удивлением увидел, что на том месте, куда была вписана жирная единица, раньше стояла цифра три, отпечатанная на машинке. Что же получается? Места распределили заранее, и ему отвели третье? За этим недоумением он прослушал имя победителя второго места. Но третье – присудили Колесникову. Это Трубников услышал четко.

– Мужики, а кому дали второе? – спросил победитель.

– Да какому-то Свистоплясцеву. Виртуозному моренисту.

– Мужинисту?

– Да, нет! Моренисту. Виртуозному. Или Виртуозному. Черт его знает?

Когда они вышли из Политехнического, Трубников взглянул на грамоту Колесникова. На ней третье место также второпях было вписано ручкой, а под ним бледнела печатная цифра один.

– Слушай, если бы я не участвовал, первое место досталось бы тебе, – засмеялся Трубников. – Усекаешь? Места распределили заранее. Вот это турнир...

Не знал в тот вечер Трубников, что эти места распределял сам Колесников, предварительно подмаслив членов жюри зелененькими купюрами.

8

И все равно, несмотря на подлую натуру Колесникова, Трубникова тянулся к нему. Он был жизнерадостный, веселый, заводной, с какими-то вечно несуразными идеями, фантазиями, изложение которых вызывало всеобщий хохот. Внешне он тоже выглядел романтично: высокий, тонкий, гибкий; на башке копна кудрявых волос, кончики губ всегда приподняты, над верхней губой аристократические усики, в глазах сумасшедший блеск; зрачки вечно бегали и вечно отчего-то вспыхивали. Одно его появление в институте вызывало всеобщую улыбку, поскольку все его восторгало, удивляло, изумляло. Если гулять, то он гулял от всей души со свистами и танцами, и со скачками на столах. Если слегка заболел, то уже умирал и звал товарищей прощаться.

Чего греха таить – он был душой компании. Его любили все. И не любила только одна Маринка Маргулина, чьи корни исходили от французской королевы Маргариты де Валуа, хотя последняя, кажется, была бездетной.

Трубников сидел в своем кабинете за столом и ждал девяти часов. Ему уже доложили, что после обхода Колесникова перевели в четвертую палату реабилитационного отделения, которое находилось на втором этаже. Теперь в новой палате Диман лежит с шестью больными, но сегодня в половине десятого они все отправятся в столовую смотреть хоккей. Та же медсестра проинформировала, что общение с самоубийцей строго запрещено. К нему допускаются только медсестры и психотерапевт. Однако она может организовать встречу в половине десятого вечера за двадцать баксов.

В коридоре опять слышался монотонный гул пылесоса и дряблый голос уборщицы, заливавшей другому вахтеру то же самое, что и вчера.

– Вот сейчас на пятнадцать тысяч долларов и однокомнатной квартиры не купишь, а в восьмидесятом можно было купить три трехкомнатные.

– Ну, ты еще вспомни тридцатые годы! – скептически отвечал вахтер. – Кстати, я что-то не припомню, чтобы в восьмидесятых квартиры покупали за доллары.

– Дундук! Доллары приходилось менять на рубли. А знаешь, где меняли? У Метрополя.

– Вот удивила. У Метрополя и сейчас меняют.

– Меняют, да не столько дают, сколько давали тогда.

– Ну, и сколько давали тогда за доллар?

– Рубль.

– Вахтер, наконец, расхохотался, а уборщица обиженно зашебетала:

– А что, по-твоему, по тем временам пятнадцать тысяч рублей были не деньги?

На этой фразе раздался звонок, и Трубников, встрепенувшись, поднял трубку. Звонила жена.

– Ты еще на работе? – спросила она.

– Да.

– Домой собираешься?

– Буду в одиннадцать. Сейчас я поеду в больницу к Диману.

Было уже без пятнадцати девять. «Пора», – сказал сам себе издатель и начал неспешно одеваться. А из коридора тем временем энергично доносилось:

– Вот сейчас все бросились рожать за деньги американским миллионерам. А знаешь, кто первый ввел эту моду? Я!

– Ну и чем ты гордишься? – недовольно пробурчал вахтер. – Что ты стерва, и показала стервозный пример?

Трубников оделся и вышел из кабинета. Уборщица тут же умолкла, а вахтер, осклабясь, фальшиво удивился:

– Это вы до сих пор работали, Евгений Алексеевич? Поздненько вы сегодня.

– До свидания, – буркнул гендиректор и вышел на воздух.

Прежде, чем сесть в машину, Трубников зашел в гастроном. Накупив все, что полагается для больного, Дмитрий бросил пакеты на переднее сиденье и завел машину. Ровно в половине десятого он трижды библикнул у крыльца больницы и вышел с пакетами из автомобиля. Входная дверь с готовностью распахнулась, и медсестра в белом халате сделала пригласительный жест.

– Куда вы столько накупили? Ему все равно нельзя.

Она провела по лестнице на второй этаж и остановила у двери с цифрой четыре. Трубников сунул ей двадцатидолларовую банкноту и толкнул дверь.

Колесников лежал под капельницей с закрытыми глазами, но был уже не так бледен как утром. Он медленно повернул голову на посетителя и сразу оживился.

– Женька! Ты у меня единственный друг. Я знал, что ты меня спасешь. Молоток, что приехал.

– Куда валить? – спросил Трубников.

Дмитрий перевел взгляд на пакеты и присвистнул.

– Вали на тумбочку. Мне все равно есть нельзя. Кстати, бутылочки нет?

Трубников не ответил. Избавившись от провизии, Евгений придвинул стул и сел у изголовья больного.

– Ну как себя чувствуешь?

– Очень хреново. Очень...

Колесников страдальчески опустил веки и застонал.

– Вены сшили?

– Умоляю, не говори мне про вены! Я очень впечатлительный, – поморщился Диман. – Если ты имеешь в виду самочувствие в смысле здоровья, то оно удовлетворительное. Но морально мне очень плохо. Этот Олег стоит у меня перед глазами, как живой.

Колесников снова в бессилии опустил глаза, а Трубников подавил улыбку.

– Как живой, говоришь? А он и есть живой.

Колесников дернулся и испуганно покосился на дверь.

– Ты уже в курсе? В том-то и дело, что живой! Я его убил, а он, как ни в чем не бывало, разгуливает по Москве. И Марго ведет себя так, как будто ничего не случилось. Как будто сама не уговорила меня укокошить молокососа.

«Все ясно. Это шизофрения, – сделал вывод посетитель. – Нужно с ним поосторожнее».

– А может, тебе приснилось, что ты его убил. А на самом деле не убил. Так бывает иногда...

– Да, ты что! – вытаращил глаза больной. – Ты меня за шизофреника считаешь? Может, ты думаешь, что у меня крыша поехала? Я в Олега всадил две пули вот этой самой рукой...

Колесников так разволновался, что капельница едва не загремела на пол. Как раз в правую руку и была воткнута игла, а на левую – наложена шина.

– Успокойся, – потрепал по плечу Трубников. – Верю, что укокошил. Главное, не волнуйся. Выпишут, – мы с ним разберемся.

– Правда, разберемся? – воскликнул Колесников, и его глаза наполнились слезами. – Ты мой единственный друг...

– Только не говори психологу, что порезал себя из-за того, что убил человека. А то упечет в психушку.

– Я что, идиот? – зашевелил усиками Колесников. – Меня не в психушку, а за решетку упрячут. Я психологу сказал, что у меня жуткая депрессия от одиночества. Жениться мне, словом, надо и детей заводить. Дети – лучшее лекарство от депрессии. Так я сказал врачу.

«Смотри-ка, шизофреник, а соображает», – удивился Трубников.

– А вообще, – произнес Евгений как можно мягче, – на убийцу ты не похож. У убийц глаза неподвижные. А у тебя они всегда бегают. Я знал одного киллера. Он раньше ошивался в пивном подвальчике на Таганке. «Харчевня» называется. Когда он входит в «Харчевню», все посетители затихали.

Колесников вздрогнул и ошеломленно впился в глаза.

– Слушай, – произнес он с ужасом, – Ты сейчас слово в слово произнес первую строку из моего романа.

– Какого романа? – недовольно поморщился Трубников, подозревая, что лечения в психиатричке не миновать.

– Исторического. Про королеву Марго. Вот он у меня, под башкой! Возьми!

Трубников сунул под подушку руку и нащупал общую тетрадь.

– Как она у тебя здесь оказалась? – удивился он.

– Я, прежде чем перерезать вены, сунул роман под ремень, чтобы уйти вместе с ним. Потому что это самое подлинное, что есть во мне. Ты возьми, почитай!

– Ты что, написал роман? – спросил Трубников.

– К сожалению, нет. Я только начал его писать в восемьдесят девятом году, – грустно вздохнул больной.

– В восемьдесят девятом?

– Ну, да! Ты помнишь, после девятого совещания мы ходили по издательствам со своими стихами, а нам везде говорили, что стихи теперь вряд ли будут печатать? Вот если бы вы принесли по историческому роману, тогда бы опубликовали без разговоров. Ну, я сразу после этого и сел за исторический роман. Но дописать не довелось...

9

«Считать ли это новой подлостью? – думал Трубников, катя по ночной Москве. – Хотя на первый взгляд ничего подлого не было. Ну, взялся человек писать исторический роман. Что тут криминального?»

Однако, как взялся? Втихомолку, не посвятив друга в свои эпические замыслы. Правда, никто не обязан делиться своими творческими планами, но ведь когда они вышли из «Молодой Гвардии», Трубников сам предложил:

– А давай напишем по историческому роману? Что нам стоит, талантливым и энергичным. Опубликуемся, прославимся, разбогатеет. После этого издатели сами будут бегать за нами с высунутыми языками.

В то время очень хотелось печататься. Ей Богу, на все бы пошел, лишь бы опубликовали. Однако Колесников сморщил нос и презрительно хмыкнул:

– Мы с тобой поэты, или кто? Мало ли чего захотят эти тупые околослитературные крысы? Если каждому потакать, то грош нам цена как литераторам.

Трубников на сто процентов согласился с Колесниковым. Действительно, для того Господь и рождает поэтов, чтобы они противостояли обывательским потребностям толпы. Помнится, в ту минуту Евгений навсегда отбросил мысль об историческом романе. Однако Колесников опять слукавил. Пришел домой и сел за роман на потребу все тем же беспринципным издателям, о которых он отзывался с таким пренебрежением.

Встав у светофора, Трубников не выдержал, раскрыл тетрадку и прочел: «Когда он входил в харчевню, все посетители затихали. Женщины содрогались, а у мужчин моментально слетали улыбки».

Загорелся зеленый. Трубников выжал полный газ и понесся дальше, раздумывая над тем, что человеческое желание быть первым, – пожалуй, не стоит вносить в категорию подлостей. Это нормальное здоровое желание! Колесников страстно хотел быть первым: первым отличником, первым чтецом, первым поэтом. Он мечтал первым издать книгу, первым прославиться, первым разбогатеть. В чем здесь подлость? Подлость в другом, что своего лидерства Диман всегда добивался окольными путями. Трубников даже знает почему: от недостатка таланта. Истинному таланту нет необходимости плести за спиной интриги. Истинный талант может себе позволить роскошь вести честную борьбу.

Войдя в квартиру, Трубников сразу направился в кабинет, на ходу кинув жене, что ужинать не будет. Настя проследовала за ним.

– Ты от Димана? Как он? – спросила она с тревогой в глазах.

– Так же? – неохотно ответил Евгений, устало валясь на диван.

– Ты ему сказал, что Маргулин жив?

Евгений поднял глаза на супругу и усмехнулся.

– Он и без меня знает.

– Тогда зачем он перерезал вены? – удивилась жена.

– Потому и перерезал, что тот, кого он грохнул, воскрес, смертью смерть поправ. От страха, в общем, перерезал.

На губах Трубникова появилась нехорошая ухмылка. Лицо жены наоборот – вытянулось и приняло испуганное выражение.

– А как он выглядит? Совсем плохой?

– Вот как раз выглядит он нормально. Но как только заходит речь об Олеге, начинает трястись и бледнеть. Собственно, я с ним толком не поговорил. Зашел его сосед по палате, и мне пришлось убраться. Завтра я с ним поговорю более детально.

Настя покачала головой и вышла из комнаты. Евгений зажег торшер и, раскрыв тетрадь Колесникова, начал читать.

«Когда он входил в харчевню, все посетители затихали. Женщины содрогались, а у мужчин моментально слетали улыбки. Он вносил в этой веселое заведение на окраине Парижа, какую-то мрачную тяжесть, свойственную палачам и профессиональным убийцам. Его так и звали, Мрачный Шарль, хотя лицо его, если взглянуть, было довольно открытым. Его волосы были светлые, волнистые, лоб высокий, гладкий, брови прямые, глаза карие и совершенно неподвижные. Именно из-за этих глаз никто не решался вглядываться в него пристально. На губах его никогда не сияло улыбки. Говорил он коротко, почти не разжимая губ, и все больше одной половиной рта. Он был высок, строен, и немного тучен. Одет всегда во все черное: черные плащ, черный камзол, черная шляпа, и только на горле белела тоненькая полоска воротника его белоснежной рубахи...»

Трубников поднялся с дивана и подошел к зеркалу. В холодном стекле отразился высокий, стройный и немного тучноватый мужчина в черных брюках и черном джемпере, из-под которого выглядывал белоснежный воротничок. Странно, но стоящий перед зеркалом почему-то любил одеваться в черное. Трубников глубоко вгляделся в свои карие глаза и отметил в них необычайную мрачность. То, что его глаза большей частью были неподвижными, об этом знали все, а вот врожденную мрачность в них не замечал никто, кроме самого хозяина. Кстати, эту дурацкую привычку разговаривать, не разжимая губ и все более одной половинкой рта, Трубников приобрел уже после того, как основал свое издательство, то есть в девяносто четвертом году. А роман? Когда же он начал писать роман? Ах да, в восемьдесят девятом.

То, что прочел Трубников, почему-то взволновало, хотя изложено было далеко не мастерски. Это Евгений не мог не отметить, как профессиональный литератор. Однако эту средневековую харчевню на окраине Парижа он будто видел собственными глазами. И не просто видел, но даже чувствовал ее пряные запахи. А пахло в ней одним и тем же: парами Бургонского и жареной гусятиной. Да еще потными шляхами. Словом, полный шарман! Неужели тоже крыша едет?

Трубников скользнул ладонью по своей светлой шевелюре, гладкому лбу, по складке, у рта и при этом заметил, что зрачки его по-прежнему остались неподвижными. Он подумал, что надо завязывать с этой черной одеждой, придающей лицу мрачность.

Евгений подошел к окну. За окном мело и завывало. Сквозь снежную мглу по дороге неслись машины. «Тоска», – еле слышно прошептал Трубников.

10

Мрачный Шарль, входя в харчевню «Три гуся», обычно сразу следовал к одному и тому же столу в углу. Это был самый темный угол в заведении. По этой причине, за него никто не садился. Но если кто и садился, то сразу, при появлении Шарля, поспешно перебирался в противоположный угол. Самый знаменитый убийца в Париже, переступив порог «Трех гусей», останавливался и некоторое время стоял на месте, как бы для того, чтобы перевести дух. На самом деле он давал возможность тем, кто сидел поблизости от его стола перебраться за другие столы не так панически. После чего, неспешно и ни на кого не глядя, следовал в свой угол, садился и замирал, уставясь в одну точку. Тут же подлетал хозяин, ставил перед ним кувшин Бургундского и спрашивал:

– Как всегда запечь гуся?

Шарль мрачно кивал, не глядя на хозяина, и хозяин тут же исчезал. Через некоторое время он приносил скворчащую яичницу, обильно посыпанную луком, и ломоть черного хлеба. В ожидании гуся, Шарль молча пил вино и, не спеша, ел яичницу. Он никогда ни с кем не разговаривал, никогда не играл в кости и никогда не вмешивался в разговоры. Отужинав, он молча кидал на стол золотой и сразу удалялся, не обращая ни на кого внимания. Вся харчевня облегченно вздыхала, и тогда в «Трех гусях» начиналось истинное веселье. На музыкантов нападало вдохновение, красотики принимались выплясывать и хохотать, а мужчины – затевать драки.

О чем речь? Мрачного Шарля боялись все, кроме кудрявого весельчака Пьера. Он был мелким воришкой и страстным игроком в кости. Пожалуй, Пьер был единственный, кто позволял себе громко кричать и затевать ссоры при Шарле. Но если бы только ссоры. Однажды, проигравшись до нитки в кости, он бесстрашно подошел к известному убийце, который только что вгрызся в жирную тушку гусыни, и нагло попросил франк. Шарль остановил на нем свой тяжелый взгляд и, не произнеся ни слова, кинул на стол монету.

В тот холодный зимний вечер Шарль зашел в харчевню засветло. Так рано он не приходил никогда. «Должно быть, ближе к ночи, его ждало какое-то дело», – подумал Пьер, сидящий в одиночестве за дубовым столом. Он перебирал кости и ждал игроков. Их пока не было. Они все еще сидели в своих холодных лавках, а Пьер весь день провел в теплой харчевне перед жаровней, поскольку на улице было жутко. Воровать в холодную погоду было не с руки. Искусства лазание по карманам требует обаяния и подвижности пальцев. Но о каком обаянии может идти речь, если на рыночной площади метет и пальцы превращаются в деревянные обрубки.

Шарль, как обычно, переступив порог харчевни, остановился в дверях перевести дух и вдруг неожиданно направился к Пьеру. «Так и есть! Сейчас потребует назад свой несчастный франк», – подумал Пьер. Сегодня у него было три франка. Но они были приготовлены для игры.

– Привет, Шарль! – вежливо произнес Пьер. – Я не забыл, что должен тебе франк. Я верну его тебе завтра. Сегодня меня ждет удача в кости. Под утро мне приснилось, что я украл из королевского дворца тушу косули. А это первый признак везения в игре.

Шарль ничего не произнес в ответ. Он молча плюхнулся на табурет и мрачно засопел носом. Когда Пьер взгляделся в его лицо, то понял, что франк убийцу не интересовал. Глаза его светились. Светились впервые в жизни каким-то особенным светом.

– Представь себе, Шарль, – продолжал Пьер. – Тащу я эту тушу на плечах и чувствую затылком ее нежное, мягкое прикосновение. Такого я никогда не ощущал, не ел и даже не касался руками. И вот держу я эту косулю на шее и усмехаюсь про себя во сне, что я, простой босяк с торговой площади, сейчас отведаю еду, предназначенную для самого короля. Такая радость была у меня во сне. К чему это, как не к везению?

В это время подскочил хозяин с кувшином Бургундского, поставил его перед Шарлем и с любезной улыбкой спросил:

– Как всегда запечь на вертеле гуся?

Обычно Шарль только кивал, но на этот раз подал голос:

– И моему другу тоже. И еще вина.

Хозяин удивленно покосился на Пьера и тут же исчез. «Вот это да? – подумал Пьер. – С чего он сегодня такой щедрый?»

Вскоре на столе появился второй кувшинчик Бургундского, и Пьер жадно припал к вину. Утолив жажду и отдышавшись, он благодарно посмотрел на Шарля. Шарль улыбнулся, хоть и одной половинкой рта, но как-то очень светло. Не глядя на Пьера, он произнес хриплым голосом.

– Сегодня лучший день в моей жизни. Меня хочет видеть сама королева Марго. Сразу же после вечерней молитвы она будет ждать меня в Лувре.

Пьер едва не захлебнулся слюной от такого известия. Он вытаращил глаза, и крупная дрожь пробежала по его тощему телу.

– Что? Ты сегодня будешь разговаривать с Божественной Маргаритой де Валуа?

– Так же как с тобой. С глазу на глаз, – усмехнулся Шарль.

Пьер, забыв о вине, оцепенел. О невероятной красоте Марго ходило много слухов, как впрочем, и о ее распутстве. Но в распутство королевы Пьер не верил, а слухи о ее красоте были сильно преуменьшены, потому что в действительности она оказалась гораздо прекраснее, чем простолюдины описывали на площадях.

Пьер видел ее лично. Специально для того, чтобы увидеть Маргариту, он ночью пробрался в собор Святой Марии и спрятался за кафедру.

Это был самый страшный грех, который только можно вообразить, – прийти в святую святых ради похотливого желания увидеть распутницу. Но когда наутро Пьер узрел ее через щель дубовой кафедры, то понял, что все муки ада, которые ему предстоит перенести в грядущем, он пройдет с таинственной улыбкой на устах.

Это была невероятная женщина, за которую не страшно умереть. Роскошные светлые волосы упали на ее белый матовый лоб, когда она опустила на колени перед иконой Богоматери. Королева как будто светилась изнутри, – такой белизны была ее кожа. Вишневые губы, роскошный бюст, грациозный стан и невероятно тонкая талия. Но когда она подняла глаза, Пьер остолбенел. Они были такого пронзительно синего цвета, что все краски Парижа в один миг померкли навсегда.

– Но зачем? Зачем ты понадобился королеве? – спросил Пьер, выйдя из оцепенения.

Шарль перевел на приятеля свой убийственный взгляд, от которого обычно вздрагивают простые смертные (но Пьер его выдержал, потому что был сильно взволнован) и произнес:

– Обычно меня ходят видеть только с одной целью: чтобы я отправил кого-нибудь в лучший мир.

– Она хочет кого-то отправить в лучший мир? – растерянно пробормотал Пьер, чем вызвал широкую улыбку этого мрачного человека. Но теперь улыбка убийцы не удивляла вора. И теперь его не удивлял этот странный свет в глазах Шарля.

Хозяина принес яичницу и два ломтя хлеба. Убийца неторопливо принялся за еду, а Пьер не мог проглотить ни кусочка. Он опять приложился к кувшину, после чего спросил у Шарля:

– Но кого она хочет отправить на тот свет?

– Думаю, свою собственную мать, – равнодушно ответил Шарль, продолжая неспешно работать челюстями.

– Мать? Екатерину Медичи? – восхищенно воскликнул Пьер. – Какая женщина... А сколько она за это заплатит?

Шарль перестал жевать, и глаза его выразили недоумение.

– Неужели ты думаешь, что я могу принять деньги от королевы Марго?

– О да! Конечно. Ради ее величества убивают за один только взгляд.

В глазах Шарля мелькнула презрительная усмешка.

– Я не собираюсь убивать за один только взгляд. В качестве награды я потребую ее тело.

– Тело Марго? – вскрикнул Пьер и почувствовал, как голова пошла кругом. – Ты думаешь, она согласится?

– Куда она денется? – оскалился убийца.

– Но потом тебя самого отправят к праотцам.

– Туда мне и дорога, – улыбнулся Шарль. – Зато хоть несколько мгновений она будет моей.

Его глаза продолжали излучать тихий свет. А до этого в них было беспросветно. В глазах же Пьера читалось только одно: «Как бы я хотел быть на твоём месте».

11

Весь следующий день Трубников пребывал под впечатлением прочитанного отрывка из романа этого шизика. Глава издательства недоумевал, почему этот невзрачный текст, написанный далеко не мастерским языком, произвел на него такое сильное впечатление. «А вообще, – подумал Трубников, – если бы Колесников двигался в этом направлении, из него бы вышел толк. Его слог не особо красочный, не особо образный и не особо благозвучный, но в нем есть жизнь».

Когда вечером одноклассник снова навестил больного четвертой палаты, то не увидел в его глазах никакого безумства. Диман был таким же, как всегда: бодрым и жизнерадостным. «Может, у него прошло?» – обрадовался посетитель.

– Как себя чувствуешь? – с порога поинтересовался Евгений, окидывая пустую палату взглядом.

– Прекрасно себя чувствую! – ответил с улыбкой Колесников. – Это, – он поднял перевязанную руку кверху, – подживает. Вены уже срослись. А с жилами сложнее. Шевелить пальцами можно будет только через неделю.

– Где твои соседи? – спросил Трубников, описав подбородком полуокружность.

– Телик пошли смотреть. Я тоже хотел пойти, но сестра сказала, что ты придешь.

Трубников двинул к кровати табурет и сел у изголовья.

– Прочел я вчера твоё сочинение. Ты знаешь, понравилось.

Глаза Колесникова радостно вспыхнули.

– Серьезно? Прикалываешься, наверное.

– Скажу более, – солидно чмокнул Трубников. – Если бы роман был написан полностью, я бы его издал в своём издательстве.

– Но это уже свистишь! – засмеялся Колесников. – Твое издательство не издает художественную прозу. Да, и поэзию тоже. Одни только репродукции и рекламные проспекты.

– Для тебя я сделал бы исключение.

Колесников молодецки закинул здоровую руку за голову и лег удобнее, польщенный похвалой.

– М-да! – произнес он мечтательно. – Не плохо было бы издать.

– Не плохо было бы дописать, – вторил Трубников.

– А что, может, еще допишу, – подмигнул Диман. – Но я не верю, что ты издашь. Пожалеешь денег. Литература – вещь не прибыльная. – Колесников тяжело вздохнул и покачал головой. – А когда-то, помнишь, мы мечтали создать своё издательство и выпускать только серьезные книги, в первую очередь, конечно, свои. А что в результате? Я ушел в бульварную журналистику, а ты стал хозяином издательского дома, добился-таки цели, но не печатаешь даже собственных стихов. Потому что не рентабельно. Скажи, десять лет назад мы думали о презренной рентабельности? И в мыслях не допускали! Мы думали только о великой литературе.

– Возможно, я к ней еще вернусь, – улыбнулся Трубников.

– Не обманывай себя, – зажестиковал Колесников. – Никогда ты уже не вернешься в большую литературу. Ты слишком для этого сыт. Посмотри на свое пузо, уже пиджак на пуговицу не застегивается.

– Возможно, ты и прав, – выпятил губы Трубников. – Я уже никогда не вернусь к стихам. Да и ты уже никогда не допишешь свой роман. А жаль. Я бы опубликовал вопреки рентабельности. Честное слово.

Трубников замолчал, Колесников тяжело вздохнул и покачал головой. После некоторой паузы, Трубников подмигнул приятелю:

– Королеву Марго, ты, конечно, писал с Маргулиной?

– А что узнается?

– Еще как.

– А этого прохиндея Пьера писал с себя?

– Но, почему же с себя? – возмутился Колесников. – Как прохиндея – значит сразу с Димана! Кое-что, конечно, выдернул из своей личности, не спорю, но вообще это собира- тельный образ.

– Понятно, – кивнул Трубников, спрятав в кулак улыбку. – А Мрачного Шарля писал с кого? Неужели с меня?

Брови Колесникова взметнулись вверх.

– С тебя? Что за бред? В образе Шарля и близко нет твоего. Об этом перце я вычитал в энциклопедии.

Трубников надул щеки и задумался.

– А с кого ты писал... Э-э... – Трубников запнулся, да так и остался сидеть с открытым ртом и неоконченным вопросом.

– Ну? – нетерпеливо подтолкнул Колесников.

– Ладно! Бог с ним, с романом, – махнул рукой Евгений. – Психиатр с тобой беседовал?

– Сегодня у нас с ним был длинный разговор. Я ему залил про депрессию, но заверил, что подобное больше не повторится. Он поверил. Про убийство, конечно, ни-ни.

Трубников сразу нахмурился.

– Ты опять за свое? Хватит чушь городить! Никакого Олега ты не убивал. Он живой! Ты понимаешь?

Колесников испуганно втянул голову в плечи и с ужасом прошептал:

– Убивал! Еще как убивал! Ты мне не веришь? Я что, по-твоему, сумасшедший? Я хорошо помню, как всадил в него две пули. Одну в висок, вторую в лоб. Но в лоб уже потом, в машине.

– Тогда почему он живой?

– Не знаю. Я не уверен, что он живой. Возможно, это его призрак.

Зрачки Колесникова расширились, и глаза снова сделались безумными. «Зря я начал эту тему, – с тоской подумал Трубников. – Вот идиот, вбил себе в башку и ничем не выбьешь. Нет! Ему все-таки следует подлечиться».

– Призрак, говоришь? А давай я тебе завтра его приведу!

– Не надо, Женька! – истерично закричал Колесников. – Только не его! Если приведешь, я снова вскрою себе вены прямо у тебя на глазах.

– Успокойся! – выдохнул Трубников, вцепившись в одеяло, которое Диман натянул на лицо. – Хорошо, я его не приведу. Только не кричи.

– Правда? – в глазах Димана сверкнуло что-то детское. Он испуганно повертел головой и прошептал: – Ты знаешь, он ко мне уже приходил. Домой. Я в глазок не посмотрел, открыл дверь, а он стоит такой прозрачный, бледный, грустный – шары выпученные. Стоит и в глаза смотрит. Я ни бе ни ме, тоже стою и смотрю. Пошевелиться не могу от страха. А он вдруг таким слабым-слабым голосом говорит:

– Моя жена у тебя?

Я затряс головой, потому что сказать ничего не могу. Он как-то очень печально вздохнул и сказал:

– Извини. Тогда я пойду.

Развернулся и медленно-медленно пошаркал к лифту с поникшей головой. Но у лифта вдруг резко поднял голову, хищно улыбнулся (ты бы видел его улыбку, Женька!), затем провел пальцем по виску и пропел: «Свистят они, как пули у виска, мгновения, мгновения, мгнове-

ния». Тут я опомнился и захлопнул дверь. Припал к глазку, – а там никого. Как у меня не случился разрыв сердца в ту минуту? Черт его знает!

Трубников внимательно изучал лицо приятеля и видел в нем неподдельную искренность. Если бы это было игрой, Евгений бы почувствовал. Но в глазах Димана не мелькнуло никакого напряжения. «Точно. Он сошел с ума на почве любви к Марго», – пришел к унылому заключению одноклассник.

– И все равно ты не похож на убийцу. У тебя слишком живые глаза. У убийц зрачки неподвижные, – вяло ответил Евгений, не надеясь, что аргумент подействует просветленно.

Больной поднял глаза на друга и с ужасом простонал:

– Женька, а у тебя глаза неподвижные. Может, это ты убил Олега?

12

Когда он почувствовал, что тело Олега начало тяжело оседать на землю, Дмитрий схватил его под руки и прижал к капоту. В ту же минуту изо рта убитого хлынула вишневая струйка крови. Пистолет еще был в руках, и на открытый мотор капали алые капли. Дмитрия затосило. «Бросить и убежать! Уехать, куда-нибудь далеко-далеко. Мама!»

Убийца с ужасом осмотрелся по сторонам. Вокруг не души. До машины метров десять. Сердце билось так, что казалось еще немного, и оно проломит грудную клетку.

Колесников схватил убитого за подмышки и повалил на себя. Кровь, наконец, перестала капать на мотор, зато обильно полилась на штаны убийцы. Колесников поволок труп к своему «БМВ», оставляя на дороге две полосы: борозду от тяжелых ботинок мертвеца и тоненькую струйку крови.

Тащить было нелегко. Тело тяжеловато. Олег не относился к хилым. «Только бы не выехала из-за поворота машина», – взмолился Колесников и тут же споткнулся о кочку. Он упал, сильно стукнувшись затылком о мерзлую землю. Труп свалился на него.

Колесников долго барахтался под тяжелым телом Олега, прежде чем удалось высвободиться и панически вскочить на ноги. «Бросить труп на дороге и уехать к чертовой матери!»

Дмитрий осмотрелся по сторонам. Вокруг по-прежнему ни души. Хоть бы вышла Марго из леса и помогла. Так нет. Она словно в воду канула.

Бедняга вновь поддел ладони под руки Олегу, сомкнул их на груди покойника и рывком приподнял. Однако не удержал равновесия и снова упал. Пришлось опять барахтаться под трупом и испуганно выбираться наружу. С третьей попытки Колесников поднял тело и почти юзом поволок к автомобилю. Положив труп на обочину, Колесников снял с сиденья мешковину, расстелил на дороге, катнул на нее покойника и ловко завернул наподобие ковра.

Когда исчезли распахнутые глаза Олега, стала значительно легче. Колесников связал мешковину веревкой и, наконец, втащил этот ужасный куль в автомобиль. Запихнув его на заднее сиденье, страдалец утер рукавом лоб и только тут заметил, что пистолет все это время находился у него в руке.

Дмитрий обтер его снегом и сунул себе в карман. Он попытался оттереть снегом рукав пуховой куртки и штаны, но ничего не получилось. Кровавые пятна только размазались и увеличились в объеме. «Где же эта чертова Марго?» – с отчаяньем простонало внутри. Машина распахнута, капот открыт, на двигателе кровь.

Убийца вытащил из кармана носовой платок, приблизился к «Жигулям» Маргулиных и тщательно стер с двигателя кровь. Но опять-таки только размазал. После чего закрыл капот и помчался к своей «БМВухе». Время уже поджимало.

Дмитрий быстро завелся, развернулся и помчался в сторону трассы по кочкам и буеракам. Он увидел в зеркальце, что Маргулина так и не вышла из леса.

Когда машина исчезла из поля зрения, Колесников прибавил скорость. Трясти стало сильнее. Водитель с ужасом услышал, что пассажир на заднем сиденье издает какие-то звуки. После этого он сполз с сиденья и затих.

Выехав на трассу, Дмитрий на полной скорости рванул в сторону области, но внезапно впереди у поста ГИБДД с ужасом увидел вереницу легковых машин. Судя по всему, патрульная служба учинила очередной шмон. «Ах, да! – вспомнил Колесников, ударяя по тормозам. – Как же он забыть о взрыве на „Белорусской“. Теперь на все постах облавы. Вот это влип!»

Убийца с ревом развернулся через две сплошные и на полной скорости рванул обратно в Москву. Куда? Куда бросить труп? Все речушки, попадавшиеся по пути, были покрыты льдом. Увезти мертвеца в лес за город и сжечь? Но на дорогах менты.

Уже темнело, а Дмитрий все никак не мог принять решение и колесил по всей Москве, как проклятый, преимущественно в районе набережной. Но открытой воды нигде не было, а развезжать с таким пассажиром за спиной было все опаснее. Кругом одни патрульные машины. К сумеркам их выползло как тараканов.

Неожиданно сзади послышался шорох. Колесников обернулся и от ужаса вместо тормоза нажал на газ. Валявшийся под сиденьем куль шевелился. Только чудом машина не врезалась в столб. Бедняга круто развернулся на месте и съехал под мост. Под ним было темно и, кажется, ни души.

Дмитрий включил в салоне свет и убедился, что зрение его не обманывает. Мертвец в мешке действительно дергался. Дрожащей рукой Колесников достал из кармана револьвер, взвел курок и несколько минут с ужасом смотрел на мумию, которая, как будто унюхав пистолет, замерла. Может, ему показалось? Может, это от тряски машины?

Диман протянул руку к голове, и завернутый в мешковину дернулся. Колесников вскрикнул и выставил вперед револьвер. Дрожащей рукой он нащупал через мешковину лоб, подставил к нему дуло и выстрелил. Труп встрепенулся и затих. Пуля прошла насквозь и зарылась в сиденье.

В ту же минуту от бетонной стены отделились две тени и понеслись по ступеням вверх. «Да здесь кто-то был?» – ужаснулся Колесников. Он быстро потушил свет и включил фары. Но те двое уже были на мосту.

Колесников с яростью развернулся и рванул обратно на дорогу. Описав автодорожный круг, он въехал на мост. На нем было четверо. Какой-то мужчина с сумкой через плечо, бабушка с палочкой и двое подростков: парень и девушка. Юная парочка, взявшись за руки, шла навстречу «БМВ» независимой походкой и улыбалась.

«Вряд ли это они, – подумал Дмитрий. – Скорее всего, он спугнул каких-то бомжей? Черт с ними! Надо сматываться поскорее».

В тот вечер бедняге ничего не оставалось, как вернуться к себе на Ленинский проспект, поставить машину с трупом в гараж и отправиться домой. За ночь может придти что-нибудь умное.

И действительно, войдя в квартиру и хлобыстнув стакан коньяку, Колесников вспомнил о пруде на Воробьевых горах. Там, в парке, на территории дворца пионеров каждое утро купаются моржи. А значит, есть прорубь...

В ту ночь Дмитрий ни на минуту не сомкнул глаз. Он пил, и не пьянел. А сон не шел. Единственно, в чем помог коньяк, – он несколько унял тряску. Но в половине седьмого, когда нужно было выходить, беднягу затрясло с новой силой.

Колесников выпил кружку крепкого кофе и спустился в гараж. Куль лежал на том же месте в пространстве между сиденьями. Только мешковина на лбу мертвеца стала черной от запекшейся крови. Дмитрий заставил себя прикоснуться к покойнику. Он был ледяным и жестким. В ту же минуту водитель энергично выехал из гаража и понесся на Ленинские горы.

Когда он въехал на территорию Дворца пионеров, стало уже светло. Дмитрий проследовал по парковой аллее, которая, к его удивлению, оказалась расчищенной от снега, доехал до пруда и подпрыгнул от радости: в белом пруду сиял огромный черный прямоугольник метров десять в длину и пять в ширину.

Колесников выскочил из машины и осмотрелся. Вокруг ни души. Не теряя времени, он схватил куль за веревки и поволок к воде. Протащив его по всей длине проруби, к тому месту, где должно быть всех глубже, Колесников быстро сбегал за гирей, привязал ее к мумии и сделал попытку столкнуть.

Однако мумия совсем не собиралась идти в воду. Колесников пихал ее руками, пинал ногами, но привязанный к гире труп не двигался. Дмитрий скользил по льду и дважды падал, но эффекта от этого не было. Наконец он догадался перенести гирю на самый край проруби.

Эта полутора пудовая дура тут же подломила под собой кромку и потащила тело на дно. Колесников пнул мумию ногой, и этот ужас, завернутый в мешковину, наконец, с бурлением и недовольством скрылся под водой.

Дмитрий стоял на льду весь мокрый и потерянный. Неизвестно, сколько бы он еще проторчал над прорубью с опущенной головой, если бы вдруг не услышал гул машин.

Несчастный бросился к своему «БМВ», сел за руль и прислушался. Шум явно доносился с той стороны аллеи, откуда он прибыл сам. Пришлось завести автомобиль и рвануть в противоположную сторону. Завернув за будку, Колесников с ужасом обнаружил, что дальше дороги нет. Он хотел развернуться, но услышал гул приближающихся машин так отчетливо, что ему ничего не оставалось, как заглушить мотор и выскочить из машины.

Дмитрий осторожно выглянул из-за будки. Прямо на него неслась милицейская машина. «Это конец, – сказал он сам себе, и тут же добавил, вспомнив анекдот про Штирлица. – А где же пистолет?» Не теряя времени, Колесников вытащил из кармана револьвер, дрожащими руками стер платком отпечатки пальцев и закинул в сугроб. Как же они выследили, собаки?

За милицейским «Москвичом» следовал черный «Мерседес». Обе машины остановились одновременно. Также одновременно из них выскочили охранники, из первой – в милицейской форме, из второй – в штатском. Те, что были в милицейской форме, встали спиной к Колесникову, а те, которые в штатском, – спиной к аллее. Наконец один из амбалов открыл переднюю дверцу «Мерседеса», и из него вышел невысокий мужчина в рыжей дубленке и кожаной кепке. Он быстро скинул одежду, обнажив здоровое тело, и без лишних церемоний бросился в прорубь. Бодро проплыв до конца и обратно, он выскочил на снег, и ему тут же подали полотенце.

– Ну, как водичка, Юрий Михайлович, – поинтересовался один из телохранителей.

– Водичка отличная, – бодро ответил морж. – Только ногой я, кажется, что-то задел.

– Вам показалось, Юрий Михайлович, – произнес телохранитель, принимая полотенце. – Это самый чистый пруд в Москве.

– Может, и показалось, – миролюбиво согласился морж.

13

– Ну, как наш друг? – спросила жена, едва Евгений переступил порог квартиры.

– По-моему, полная шизофрения.

Трубников, не спеша, разулся, повесил пальто на вешалку и по привычке закинул кепку на шкаф. После чего проследовал на кухню, тяжело опустился на табурет и задумчиво уставился в окно. За окном цветными огнями рассыпалась ночная Москва. Было влажно. С крыши капало. Вчера мело, сегодня тает. «Что случилось с климатом?» – равнодушно мелькнуло в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.